

ВЕЧЕ

**Ежегодник
русской философии
и культуры – 2021**

СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2021. – 312 с.

Главный редактор

Е.Г. Соколов

Заместитель редактора

А.Е. Рыбас

Редакционная коллегия

**А.В. Малинов, Е.А. Маковецкий,
И.И. Евлампиев, С. Г. Коленько**

Редакционный совет

**Н.И. Безлепкин, А.И. Бродский,
В.М. Дианова, Е.А. Овчинникова, И.Д. Осипов**

Версия в Интернете: <http://philosophy.spbu.ru/1405/8737>

Адрес электронной почты: rusphil@mail.ru

© Редколлегия номера, 2021

© Авторы статей, 2021

© Санкт-Петербургское
философское общество, 2021

Т.Н. Жуковская

НАУКА И ПОЛИТИКА В СУДЬБЕ ИСТОРИКА АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ШЕБУНИНА (1887–1942)*

Аннотация. В статье представлена творческая траектория А.Н. Шебунина (1887–1942) как историка огромного и разностороннего дарования и трагической судьбы, специалиста по истории общественной мысли первой трети XIX в., истории отношений России и Запада в Наполеоновскую эпоху и в годы Реставрации. Обращено внимание на особенности формирования его политических взглядов и научных подходов в сложные годы революций и социальных потрясений в России – СССР и на зависимость научной репутации исследователя от политической конъюнктуры. Важной остается задача издания неопубликованного творческого наследия А.Н. Шебунина и создание его развернутой научной биографии.

Ключевые слова: Шебунин Андрей Николаевич, репрессии против историков Ленинграда в 1920-е – 1930-е гг., академический марксизм, Петербургская историческая школа.

Жуковская Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский Институт истории РАН, Санкт-Петербургский государственный университет.

* Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 19-011-00782 «Историческая наука Петрограда-Ленинграда (1917–1934): центры, направления исследований, коллективная биография».

Имя ленинградского историка Андрея Николаевича Шебунина в годы сталинских репрессий было вычеркнуто из истории науки и по этой причине долго оставалось незаслуженно забытым [4; 8; 11]¹. Количество работ, посвященных А.Н. Шебунину, и сейчас сравнительно невелико. Между тем, это был ученый яркого и разностороннего дарования: историк движения декабристов и их времени, историк западноевропейской общественной мысли первой половины XIX в., историк науки, археограф, пушкинист, краевед. Однако политика вмешивалась в жизнь и творчество историка часто помимо его воли.

По этой причине творческий путь А.Н. Шебунина был очень непрост и, к сожалению, недолог. Из 54 лет своей жизни 12 он провел в тюрьмах, ссылках и лагерях. Примерно столько же времени ему было отпущено судьбой для активной научной и преподавательской работы. Таковыми можно считать годы между окончанием Гражданской войны и разрухи до начала «академического дела» в 1929 г., а также промежуток времени между возвращением Шебунина из лагеря в ноябре 1933 г. и вторым арестом, последовавшим в феврале 1938 г. в связи с делом «Ленинградского меньшевистского контрреволюционно-центра» [2].

Подающий надежды исследователь, потомственный дворянин, Андрей Николаевич рано заинтересовался политикой. В последнем классе гимназии и в первый студенческий год он, видимо, находился под впечатлением событий Первой русской революции, о чем свидетельствуют эмоциональные юношеские стихи: «Пролилась кровь, / Она как прежде / Опять по улицам текла / И места нет уже надежде...» [20, л. 25]. В год поступления Шебунина в университет и переезда в столицу из отцовского имения народнические и оппозиционные настроения его только усилились.

В 1903–1905 гг. юный Шебунин – конституционалист (он пишет в дневнике: «Нужно прежде всего только учредить конституцию – и было бы совсем другое» [17, л. 21об.]), в 1905–1910 гг. – несомненно, эволюционирует влево, превращаясь в умеренного социалиста с элементами народничества. Судя по его публицистическим текстам, политическая программа Ше-

¹ В XXI в. интерес к судьбе историка и его творчеству нарастает. Появились публикации, извлеченные из его архива [1; 6]. Весьма содержательна статья А.Н. Дмитриева об «академическом марксизме» как теоретической рамке работ историков 20-х гг., к группе которых принадлежал Шебунин [3].

бунина была достаточно размытой, а мотивация оппозиционной деятельности не выходила за рамки общеинтеллигентской идеологии «возвращения долга» народу. В гимназическом дневнике Шебунина 1903 г. есть такие строки: «Хотел бы я, чтобы встало все молодое поколение на подмогу бедному, невежественному, но доброму и восприимчивому русскому народу, и воскрес бы русский народ!» Прорываются и бунтарские нотки: «У меня теперь такое настроение, которое П. назвал “пессимистическим”: я отрицаю весь существующий порядок, суд, войну» [17, л. 17 об., 19 об.].

Поступление Шебунина в университет и интерес к социал-демократическим идеям совпали с кульминацией революции 1905–1907 гг. На этом пути Шебунин, очевидно, разошелся с семьей. Отец писал ему в Петербург в ноябре 1905 г., узнав, что сын стал социал-демократом: «Я знаю многих людей с самыми лучшими убеждениями, но я не знаю ни одного хорошего человека – убежденного [социал] [демократа], и мне больно знать, что первый такой убежденный – мой сын» [24, л. 4об.]. Шебунин всерьез увлекся учением Маркса. В университетском семинаре Е.В. Тарле им был прочитан доклад «К. Маркс и Ф. Энгельс на заре своей деятельности в 40-х гг.», в котором, в противовес критикам марксизма, объявившим его «устаревшей системой», автор заявлял о необходимости его научного изучения [20]. Мы не знаем, в чем именно заключалась деятельность Шебунина «в социалистических кружках», о которой упоминается во всех его автохарактеристиках советских лет.

На основании сохранившихся в фонде Шебунина текстов юношеских публицистических статей, а также дневников и писем родным можно получить представление о его политических идеалах. Судя по количеству им написанного «для партийной печати», Шебунина волновали теоретические аспекты социализма, кризис сознания интеллигенции в период после подавления революции и поиски выхода из кризиса. Думается, однако, что полностью отдаться практической «борьбе» Шебунину мешали и его возраст и профессиональные амбиции. Как студент, он стоял ближе к «академистам», чем к «бунтарям», успешно учился, судя по анкете и отзыву знавшего его С.Н. Валка. Однако в год окончания курса историко-филологического факультета Петербургского университета Шебунин «за участие в студенческих беспорядках» [16, л. 1] был административным порядком выслан из Петербурга в Вильно, где, по видимому, проживали родственники. Он успел получить выпускное свидетельство в январе 1911 г., но не успел защитить ди-

пломное сочинение, что пришлось делать уже после возвращения из Вильно [25].

В Вильно Шебунин получил возможность преподавания, встретил свою будущую жену Любовь Григорьевну Чарномскую (урожд. Липскую) и отдалился от партийной борьбы. По возвращении в Петербург он даже начал карьеру чиновника, но не прекращал и научных занятий, и почти ежедневно, как сообщал в письмах жене, работал в Публичной библиотеке над документами по эпохе Александра I [24, л. 1–2]. Шебунин продолжал здесь начатые еще в студенческие годы штудии по изучению тургеневского наследия, в 1913–1914 гг. выходят его первые научные публикации, построенные на материалах архива Тургеневых, приобретенного Петербургской Академией наук.

В конце 1914 г., когда правительство в условиях начавшейся войны усиливает репрессии, Шебунина вновь арестовывают и отправляют в ссылку в с. Кежма Енисейской губернии.

Вернувшись после Февральской революции из ссылки в Петроград, Шебунин вошел в меньшевистскую группу Плеханова «Единство». Этот факт в 1938–1939 гг. в деле «контрреволюционного меньшевистского центра» станет для него фатальным. Неизвестно, как Шебунин отнесся к октябрьскому перевороту и дальнейшим событиям, связанным с утверждением единовластия большевиков, но «партийная» деятельность для него после октября 1917 г. была закрыта. В отличие от некоторых коллег по цеху он не помышлял о вступлении в РКП (б).

В период «академической безработицы» начала 1920-х гг. факт его двукратного преследования царским правительством мог бы стать серьезным аргументом в продолжении карьеры. Но это мало помогло Шебунину, бедствовавшему и перебивавшемуся случайными гонорарами или уроками в школах, на различных курсах, работой в Экскурсионном бюро. Ослабевшие формальные цеховые связи в послереволюционные годы уравнивались неформальными, молодые историки группировались вокруг своих бывших наставников. Так, в 1922–1923 гг. Шебунин упомянут как член кружка молодых историков, собиравшегося в доме Н.С. Штакельберг, куда был вхож Е.В. Тарле [26, с. 33–37].

В 1925 г. Шебунин сближается с А.Е. Пресняковым, который оказывал молодым историкам посильную поддержку. Вероятно, благодаря ей Шебунин был принят в ЛГУ приват-доцентом и два года подряд читал специальные курсы по истории декабристов и европейской политике Наполеоновской

эпохи. Одновременно Шебунин был включен в группу по подготовке «Истории Академии наук». В конце 20-х гг. он являлся заместителем А.Е. Преснякова как председателя ленинградской секции Общества по изучению декабристов и их времени. Сохранился текст речи, произнесенной Шебуниным на праздновании 35-летия научной деятельности Преснякова, где он подчеркивал критический взгляд и источниковедческую фундаментальность работ Преснякова о декабристах, но ничего не упоминал об их отношении к марксистской науке [21, л. 1–2]. Шебунин определял заслуги Преснякова в том, что под его влиянием произошло освобождение от «историографических шаблонов» путем «критической проверки и проработки источников», буквально повторяя характеристики, данные самим Пресняковым той научной школе, к которой он сам определял свою принадлежность в известном своем выступлении на защите докторской диссертации. Эта переключка говорит о желании Шебунина подчеркнуть преемственность научных традиций. По свидетельству С.Н. Валка, речь Шебуниным не была произнесена, а была послана тяжело больному Преснякову от имени группы сотрудников русской секции ЛОИИ.

Несмотря на разнообразие направлений деятельности Шебунина в 20-е годы, она не давала историку полной творческой реализации. Это подтверждает состав архива Шебунина, в котором осталось не менее десятка неопубликованных работ, в том числе монографических, написанных в рамках его основной научной специализации. Шебунину приходилось искать дополнительный заработок, чтобы содержать семью (у него был несовершеннолетний пасынок – сын Л.Г. Чарномской). Будучи приват-доцентом университета и внештатным сотрудником ЛОИИ РАНИОН, Шебунин продолжал преподавать в средних школах Ленинграда, работать в Экскурсионном бюро, разрабатывая маршруты экскурсий, писал научно-популярные работы для гонорара. Он рецензировал текущую литературу по истории революционного движения, печатался в журналах «Архив истории труда в России», «Борьба классов», «Былое», «Каторга и ссылка». В то же время его объемная (395 л.) монография о декабристах, написанная к 100-летию юбилею восстания 1825 г., осталась в рукописи, хотя была явно заказана издательством [18].

Таким образом, процесс профессиональной институционализации Шебунина как ученого-историка осложнился и затянулся на многие годы, что, в общем, характерно для целого научного поколения историков 1920-х – начала 1930-х годов,

когда гражданская история вытеснялась из школьного и вузовского обучения и из исследовательской сферы. Незавершенность процесса вхождения в академическое сообщество, была причиной «периферийного положения» [7, с. 215] Шебунина в исторической науке.

Говорить о его научно-методологической позиции, следует, на наш взгляд, очень осторожно. Несмотря на репутацию «марксиста» в кругах беспартийных историков, в своем научном поведении и трудах (это особенно заметно по текстам второй половины 1920-х гг., когда академическая молодежь стремительно усваивала марксистскую фразеологию), Шебунин не демонстрировал ортодоксальности суждений, хотя занимался как раз «конъюнктурными» темами: декабристами, историей помещичьего хозяйства, внешней политики царизма.

Сказанное важно как биографическое обоснование особенностей творчества Шебунина, на которые уже обращалось внимание в историографии. Это, во-первых, вопрос о принадлежности его к той или иной школе или научной группе, и, во-вторых, вопрос о методологических основах его научных концепций.

В университетские годы Шебунин занимался в семинарии Е.В. Тарле и был его прямым учеником. Однако, как свидетельствует его архив, уже тогда он работал над темами по русской истории XIX в. С 1909 г. он изучал архив Тургеневых, полученный Академией наук после смерти сына декабриста П.Н. Тургенева. Вероятно, поэтому Шебунин остался историком «стереоскопического» дарования, с равным успехом занимавшимся европейской и российской историей первой трети XIX в.

Был ли Шебунин учеником А.Е. Преснякова, как иногда утверждают? Вопрос спорный. Очевидно, что в середине 1920-х гг. их научные интересы пересекались. Шебунин не раз получал поддержку Преснякова, особенно в годы «научной безработицы». При содействии Преснякова в 1925 г. он был зачислен научным сотрудником 1 разряда в НИИ при Университете, а через год – приват-доцентом ЛГУ по кафедре русской истории. В 1927 или 1928 г. он становится сверхштатным сотрудником ЛОИИ РАНИОН по секции русской истории, руководимой Пресняковым. Однако прямым учеником Преснякова по университету Шебунин не был, поскольку Пресняков в годы его студенчества только что получил приват-доцентство и своих учеников еще не приобрел, хотя имел немалое влияние на студенческую аудиторию. Против произвольного сближения Шебунина с Пресняковым (даже биографического) возражал и С.Н. Валк [14, л. 12].

Со студенческих лет ведущей темой в научном творчестве Шебунина была история общественных движений при Александре I, в частности, политические биографии «русских европейцев» братьев Тургеневых. Историк рано сформулировал совершенно оригинальную концепцию о существовании дворянского либерализма периода «проправительственных надежд» 1810-х – начала 1820-х гг. и следовал ей в основных своих работах [12; 13]. К опубликованным исследованиям примыкают неопубликованные тексты, оставшиеся в архиве историка. В основу этой научной концепции Шебунина легло представление о преобладающем западном влиянии на мировоззрение российских «либералистов», об активной общественной позиции последних, что позволяет скорректировать расхожую формулу о начале «дворянского этапа» освободительного движения в 1825 г. с революционной постановки вопроса о ликвидации самодержавной власти. Анализ научной терминологии и содержательной части работ Шебунина на эту тему позволяет оценить оригинальность его концепции и особенности исследовательского метода. Прежде всего – это более точный, чем у многих его коллег, понятийный аппарат. Если Шебунин, подобно другим авторам тех лет, и вводит определение, «буржуазно-дворянский либерализм», проецируя идеологические формы на социально-классовый облик носителей данной идеологии, то он не ограничивается маркировкой, а выявляет индивидуальные черты данного типа политического мышления. Под его пером выстраивается именно тип мышления и определенный социальный тип с неповторимым набором индивидуальных черт, с индивидуальной биографией.

Фактическое знание и глубокое понимание эпохи выгодно отличает работы Шебунина от других авторов. Его выводы – это не иллюстрированная готовая схема, так легко дающаяся популяризаторам «марксистской» науки, а результат огромной эрудиции, погружения в исторический материал, его тонкой интерпретации. Это подметил еще А.Е. Пресняков в своей доброжелательной рецензии на монографию «Европейская контрреволюция в первой половине XIX в.» (Л.: Сеятель, 1926), назвав это исследование «талантливым преодолением исторического шаблона» [10].

Что касается методологических принципов, которым следовал Шебунин в период наиболее интенсивного научного творчества (а это всего два пятилетия: 1923–1929 и 1934–1938 гг.), то, естественно, они лежали в русле господствующего марксистского метода, выстраивающего мышление «в историко-социологических и историко-экономических категориях» [7, с. 229].

Но не более того. Как и для А.Е. Преснякова марксизм для Шебунина – не демонстрационный прием и не универсальная отмычка для объяснения труднообъяснимых явлений, а субъективно – прежде всего, последовательно исторический подход, оценка «с точки зрения максимальной исторической объективности» [5]. Для возможности такой оценки необходимо убеждение в полноте и системности привлечения известного историку материала. Применительно к истории общественного движения первой трети XIX в. это ставило задачу глубокого изучения архивов. Поэтому методологически Шебунина абсолютно близка научная позиция А.Е. Преснякова и не близка позиция М.Н. Покровского.

Шебунину как раз чужды схематические обобщения и насилие над историческим материалом в угоду готовым формулам вульгарной социологии, допускаемое М.Н. Покровским и его последователями. В архиве историка сохранилась написанная в 1920 г. рецензия на первое издание «Русской истории в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского, лучше всего обнаруживающая ту дистанцию, которая отделяла Шебунина от «покровщины». Рецензия эта вполне независима, поскольку труд Покровского еще не был тогда канонизирован. Шебунин называет в ней принятое Покровским объяснение исторических событий материальными интересами не марксистским, а искажающим подлинную историческую теорию марксизма. «Экономический материализм Покровского, – пишет он, – еще довольно далек от диалектического материализма Маркса». Шебунин убежден, что изучение экономических причин явлений не отменяет изучения государственных и общественных форм, «эволюция которых несводима к экономике». Государственная форма «имеет свои специфические задачи и интересы, заставляющие ее иногда резко изменять обычной классово-политике» [19, л. 6]. Еще большей ошибкой он считает объяснение материальными интересами общественных движений. Исследование сути этих движений, по выражению Шебунина, «нельзя решать как математическую задачу – дано: известное экономическое состояние (торговый капитал, промышленный капитал); даны классы: буржуазия, торговая и промышленная, мелкая буржуазия, пролетариат... Даны идеологии: либерализм, народничество, коммунизм. Требуется распределить идеологии по классам. Под такой операцией обескровлена живая действительность» [19, л. 21]. Склонность Покровского к ниспровержению научных авторитетов кажется рецензенту оскорбительной для старой школы историков [7, л. 3].

В октябре 1929 г. А.Н. Шебунин был арестован в связи с «академическим делом». После 18-месячного заключения, в мае 1931 г. он был осужден по ст. 58-11 («Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе контрреволюционных преступлений, приравнивается к совершению таких»).

После почти двух лет в ДПЗ Шебунин отбыл 2 года в Свильлаге (Лодейное поле, Остречна). От тяжелых работ он по состоянию здоровья он был освобожден, но не сразу. Затем работал «учетчиком», заведовал библиотекой и «школой внутреннего ликбеза», как сообщает сам историк в письмах жене из лагеря. 9 февраля 1933 г. он с горечью пишет ей по поводу присланных книг: «Получение книг отчасти усиливает душевную боль: ведь через чтение я соприкасаюсь с тем, что оставил на воле, и острее чувствую контраст между тем, что могло бы быть и тем, что есть на самом дел. Но все же без книг тяжелее: они как-то наполняют жизнь и, главное, задерживают мою окончательную дисквалификацию» [24, л. 63 об.–64].

После освобождения в ноябре 1933 г. положение Шебунина, как и положение многих его коллег, отлученных от академических учреждений, практически лишенных работы и возможности публиковаться, сделалось еще более сложным. «Академическая безработица» преодолевались огромным усилием, Шебунин продолжал преподавать «для заработка», читать разовые популярные лекции. Однако он полон идей и обращается в Академию наук с обширным проектом продолжения дореволюционной многотомной публикации «Архива братьев Тургеневых». Проект Шебунина был рассчитан на 8–9 томов, подготовка которых расписывалась по годам. За два с половиной года, оставшиеся до нового ареста, он успел подготовить и издать том переписки декабриста Н.И. Тургенева с братом Сергеем Тургеневым и практически полностью подготовить (включая комментарии) дневники Сергея Тургенева за 1813–1825 гг. О его необыкновенной работоспособности и продуктивности последних лет жизни на свободе свидетельствует архив историка: тысячи листов научного текста, комментариев, справочных статей, написанных в 1934–1938 гг.

В феврале 1938 г. историк был вновь арестован как человек с меньшевистским прошлым и проходил по одному делу с историками С.В. Воскресенским, М.Н. Мартыновым, Я.М. Захаром, С.И. Ковалевым и др. Следователи, фабрикуя дело историков-меньшевиков, якобы связанных с заграничным мень-

шевистским центром и планировавших контрреволюционные действия, вплоть до убийства А.А. Жданова, применяли к подсудимым жесткие меры физического воздействия. Многие из этих уже немолодых людей под пытками дали «признательные показания», от которых отказались в январе 1939 г., при пересмотре дела, которое началось после разоблачения Ежова и смены руководства НКВД по Ленинграду.

После двух с половиной лет, проведенных в заключении, обвиняемые получили приговор. 19 октября 1940 г. А.Н. Шебунин был приговорен Особым совещанием при НКВД по статье 58-8, 58-10, 58-1 к восьми годам ИТЛ и отправлен в Онеглаг Архангельской области. По одним сведениям, полученным из архива КГБ, он скончался в ноябре 1940 г. (на этапе?), согласно другой справке – умер уже в лагере 25 ноября 1942 г. Долгое время датой смерти Шебунина считался именно 1940 г. Из историков, фигурантов дела о «контрреволюционном меньшевистском центре», некоторые были освобождены, как историк Рима С.И. Ковалев, историк крестьянства М.Н. Мартынов. С.В. Воскресенский, умер в тюремной больнице, не дождав-шись окончания процесса [2, с. 152].

Авторитет Шебунина как историка общественной мысли первой четверти XIX в., знатока архивов этого времени, для его коллег был неоспорим. Именно так писал о Шебунине хорошо знавший его А.В. Предтеченский в своей докторской диссертации, защищенной в 1941 г. [9, т. 1, с. 9]. Заметим, что Шебунин был к тому времени репрессирован, а имя его фактически изъято из истории науки.

К сожалению, имя Шебунина как историка российской и европейской общественной мысли первой трети XIX в. до сих пор упоминается существенно реже чем имена его современников и коллег, судьба которых сложилась более благополучно. Огромный творческий архив Шебунина, чудом спасенный во время блокады Ленинграда и переданный в 1943 г. в Публичную библиотеку – лучшее тому подтверждение. В составе других архивохранилищ (Научного архива СПб ИИ РАН и СПбФ АРАН) также имеются рукописи его неопубликованных трудов. Это ставит перед нами задачу по изданию частично опубликованных и вовсе неопубликованных трудов Шебунина и написанию развернутой научной биографии этого историка с трагической судьбой. Актуально издание в авторской редакции очерка (фактически монографии) «Вокруг Священного союза», который сопровождал публикацию писем и бумаг российских и французских литераторов и дипломатов в «Литературном

наследстве» 1939 г., без указания имени Шебунина. Не менее интересны работы Шебунина, посвященные исследованию общественной ситуации в царствование Александра I, генезису дворянской либеральной идеологии, архиву братьев Тургеневых. Заметим, что проект по изданию архива Тургеневых уже много лет продолжается в ИРЛИ РАН [15] и следует плану, очень близкому тому, что был предложен Шебуниным в 1935 г.

Литература

Исследования

1. *Андреева Т.В.* А.Н. Шебунин об «особых путях» России // Деятели русской науки XIX–XX ввек. Вып. 1. СПб., 2000. С. 294–314.
2. *Брачев В.С.* Дело профессора С.В. Вознесенского // Новая и новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 144–155.
3. *Дмитриев А.Н.* «Академический марксизм 1920–1930-х годов и история Академии: случай А.Н. Шебунина // НЛЮ. № 54. 2002. С. 29–60.
4. *Жуковская Т.Н.* Дворянский либерализм в России в первой четверти XIX в. Итоги и задачи изучения. Днс. ... канд. ист. наук: 07.00.09. СПб., 1992.
5. *Жуковская Т.Н.* Е. Пресняков и марксизм: опыт историографической демифологизации // Россия в XIX–XX вв.: Сборник статей к 70-летию Р.Ш. Ганелина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 28–40.
6. *Жуковская Т.Н.* Пушкинские сюжеты в творчестве А.Н. Шебунина // Археографический ежегодник за 1999 г. М., 2000. С. 215–229.
7. *Каганович Б.С.* Андрей Николаевич Шебунин (1887–1940) // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 205–229.
8. *Каганович Б.С.* Русские историки западного Средневековья и Нового времени (конец XIX – первая половина XX вв. Днс. ... докт. ист. наук. СПб., 1995.
9. *Предтеченский А.В.* Политические настроения в России в начале XIX в. и отражение их в правительственной деятельности. Т. 1. Л., 1941.
10. *Пресняков А.Е.* Рец. на кн.: Шебунин А.Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX в. // Былое. 1926. № 1(35). С. 192.
11. *Сироткин В.Г.* А.Н. Шебунин – историк общественной мысли и внешней политики России первой четверти XIX в. // История и историки. Историографический ежегодник за 1973 г. М., 1975. С. 119–129.
12. *Шебунин А.Н.* Западноевропейские влияния в миросозерцании Н.И. Тургенева // Анналы. 1923. № 3. С. 191–219.
13. *Шебунин А.Н.* Николай Иванович Тургенев. М., 1925.

Источники

14. Архив СПб. Института истории. Ф. 297 (С.Н. Валка). Д. 16. Л. 12. (Из письма С.Н. Валка к первому биографу А.Н. Шебунина – В.Г. Сироткину).
15. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. IV: Путешествие в Западную Европу. 1824–1825 / Ред. М.Ю. Коренева; подг. текста Е.О. Ларионовой; коммент. Р.Ю. Данилевского, Н.Л. Дмитриевой, П.Р. Заборова, М.Ю. Кореневой, Е.О. Ларионовой. СПб.: Нестор-История, 2017.
16. ОР РНБ. Ф. 849 (А.Н. Шебунин). Оп. 1. Ед.хр. 51
17. ОР РНБ. Ф. 849. Оп. 1. Ед.хр. 52.
18. ОР РНБ. Ф. 849. Оп. 1. Ед.хр. 73: Декабристы. Монография. 395 л.
19. ОР РНБ. Ф. 849. Оп. 1. Ед. хр. 153: Рецензия на кн.: Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Кн. 1-2. ГИЗ, 1920.
20. ОР РНБ. Ф. 849. Оп. 1. Д. 159.
21. ОР РНБ. Ф. 849. Ед.хр. 161.
22. ОР РНБ. Ф. 849. Оп. 1. Ед.хр. 176.
23. ОР РНБ. Ф. 849. Оп. 1. Ед.хр. 242.
24. ОР РНБ. Ф. 849. Оп. 1. Ед.хр. 284.
25. ЦГА СПб. Ф. 14. Петроградский университет. Оп. 3. Д. 43891: Шебунин А.Н.
26. *Штакельберг Н.С.* «Кружок молодых историков» и «Академическое дело». Публ. Б.В. Ананьича // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.- СПб., 1995. 33–37.

Tatiana N. Zhukovskaya

Science and Politics in the Fate of the Historian Andrei Nikolaevich Shebunin (1887–1942)

Abstract. The article presents the scientific trajectory of A.N. Shebunin (1887–1942) as a historian of great and versatile talent and tragic fate, a specialist in the history of public thought in the first third of the 19th century, the history of relations between Russia and the West in the Napoleonic era and during the Restoration. Attention is drawn to the peculiarities of the formation of his political views and scientific approaches during the difficult years of revolutions and social upheavals in Russia – the USSR and the dependence of the researcher’s scientific reputation on the political conjuncture. The task of publishing the unpublished creative heritage of A.N. remains important. Shebunin and the creation of his detailed scientific biography.

Keywords: Shebunin Andrey Nikolaevich, repressions against historians of

Leningrad in the 1920s–1930s, academic Marxism, St. Petersburg Historical School.

Zhukovskaya Tatiana Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg State University.